

ВЕТЕР, УСТАЛОСТЬ И РОМАНТИКА НОЧИ (ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НОВЫХ ЖИЛЫХ МАССИВОВ)

Ольга Бредникова, Оксана Запорожец

Ольга Бредникова – социолог, исследователь в Центре независимых социологических исследований, Санкт-Петербург. Адрес для переписки: Лиговский проспект, 87, офис 301, Санкт-Петербург, 191040, Россия. bred8@yandex.ru.

Оксана Запорожец – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Поletaева (ИГИТИ), доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: Мясницкая 20, Москва, 101000, Россия. ozaporozhets@hse.ru.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Авторы благодарят Фонд V-A-C и лично Александра Буренкова и Эльзу Абдулхакову за приглашение прочитать лекцию, благодаря которой родилась идея этой статьи.

Эссе посвящено осмыслению специфики нового окраинного жилого района Санкт-Петербурга через понятие «атмосферности», которое интерпретируется нами как акцентирование некоторых опытов и эмоций, связанных с определенным пространством. Атмосфера рассматриваемого жилого района создается в постоянном преодолении его жителями инфраструктурных ограничений, отдаленности от центра, неудобств и несовершенств места. Ее основными составляющими, на наш взгляд, являются ветер и усталость. Мы также рассматриваем ночное время как способ преодоления существующих несовершенств места, пусть и весьма иллюзорный.

Ключевые слова: атмосфера; атмосферность; микроурбанизм; город; новые жилые районы; новостройки; ветер; усталость; ночь

Поездка по кольцевым автомагистралям, опоясывающим фактически любой мегаполис, как правило, не сулит ничего интересного. Скучные природные ландшафты сменяются индустриальными пейзажами и пустырями. Сами же города из окна машины кажутся призрачно-далекими, лишь дорожная навигация намекает на то, что где-то кипит жизнь. Впрочем, иногда на этом пути то с одной, то с другой стороны от КАДа возникают поражающие своей неожиданностью и в то же время

монументальностью новые жилые комплексы. Такие жилые комплексы – неперенный атрибут современных городов. Обычно они расположены на окраинах и не всегда понятно – это еще город или уже область? Однако именно за их счет ныне прирастают мегаполисы. Будучи окраинными по своей сути, они оказываются достаточно автономными, так как их пространственная отдаленность плохо компенсируется транспортными связками.

Даже краткое знакомство с новыми окраинами убеждает в нецелесообразности их понимания лишь как «города на вырост», ведь новые масштабы, высотность, плотность застройки меняют город, создавая новые стандарты городской среды и городской жизни. Описание этих районов исключительно в терминах отдаленности или отсутствия инфраструктуры лишает нас возможности понять их специфику. Последняя же образуется особенностью обитателей этих пространств, их повседневных практик, состояний, настроений и даже телесных опытов.

Монотонность облика новых районов создает у стороннего наблюдателя иллюзию столь же монотонной и в общем-то предсказуемой жизни. Однако это обманчивое впечатление, которое мы хотели бы преодолеть, обращаясь к исследованию Парнаса – одной из быстро застраивающихся окраин Санкт-Петербурга.

Данное эссе – попытка поиграть по собственным, выдуманном нами же, правилам. В вводной статье к сборнику, посвященном микроурбанизму (Бредникова и Запорожец 2014), мы попытались обозначить некоторые принципы исследования городов, позволяющие обратиться к микрооптике и попытаться зафиксировать трудноуловимую обыденность повседневной жизни. В качестве исследовательской практики мы предлагали работать с незначимыми деталями городской жизни, которые складываются в коллажи и особые констелляции фактов, раскрывающих особенности социальной жизни исследуемой территории; быть чувствительным к собственным телесным опытам и идиомам, и через спотыкания и своего рода зацепки пытаться уловить специфику организации городского пространства; реконструировать атмосферу места через его многослойность, мультисенсорность и эмоциональную насыщенность.

Именно эти принципы легли в основу нашего исследования. Проведенное весной 2015 года совместно с магистрантами Института урбанистики «Среда»¹, оно включало многочасовые прогулки-наблюдения в микрорайоне, интервью и совместные прогулки с его жителями, ментальное картографирование, анализ социальных сетей и тематических сайтов. Помимо перечисленных методов важным источником стали наши собственные рефлексии телесного опыта, когда буквально телом познаешь и ощущаешь пространство вокруг. Наше внимание к телу – отнюдь не дань нарциссизму исследователя. Тело оказывается незаменимым инструментом в работе с материальностями, которые создают пространство и придают ему форму. Это вездесущие заборчики, узкие дорожки, плотно заставленные парковки и прочее-прочее, обо что спотыкается, по которым следует, между которыми лавирует и на которые по-разному реагирует наше тело. Возможно,

¹ <https://ru-ru.facebook.com/sredadesign>.

телесные рефлексии даже более важны для работы с нематериальным; в нашем случае – с такой очевидной для местных жителей, но незаметной для пришлых исследователей силой, как ветер. Наши телесные рефлексии обуславливались ситуацией «здесь и сейчас» в неменьшей степени, чем и нашим прошлым опытом, в частности, жизнью в разных городах (Санкт-Петербург и Москва), новых микрорайонах и общей «морозоустойчивостью».

Основная тема данного эссе – атмосферность места. «Атмосфера», или «атмосферность» – концепт, имеющий непродолжительную, но весьма насыщенную историю (Фень 2012). Причина его сегодняшней популярности отчасти заключается в «смысловой пластичности» (Griffero 2014:3) – открытости новым интерпретациям. Несмотря на гибкость и многозначность концепта, аналитики «атмосферности» (Böhme 1993; Griffero 2014; Pallasmaa 2014) говорят о сложности фиксирования, постоянном ускользании столь многозначного и эфемерного предмета исследования. И все же, вслед за Тонино Грифферо, мы попытаемся «не отказываясь от неопределенности (концепта), использовать эту неопределенность правильным образом». Мы хотели бы уточнить, что атмосферность для нас – это «резонанс», «вибрация», возникающие при взаимодействии человека и пространства (Griffero 2014:1): это определенное эмоциональное состояние и опыт, которые не вполне соответствуют реальному положению дел, немного преувеличивают какие-то моменты (Tellenbach 1968), это заострение некоторых характеристик, раскрывающих специфику места.

Мы полагаем, что микроурбанизм оказывается подходящей «ловушкой» для слабо уловимой атмосферности, поскольку он работает с периферийными сюжетами, которые становятся заметными благодаря констелляции методов при отсутствии явного доминирования одного из них. Выбранные нами темы не были магистральными ни для одного из применяемых методов, однако парадоксальным образом, вскользь или не столь явно, они появлялись в интервью или простой «болтовне» с обитателями этих мест, в наблюдениях и ментальных картах. Об этом нам рассказывали на совместных прогулках или обсуждали на локальных форумах.

Пронизывающий ветер и общее ощущение пострабочей усталости стали для нас основными слагаемыми атмосферы Парнаса, типичной современной городской окраины. Именно эти моменты обнаружили привычные, знакомые многим ощущения и одновременно проявили новые, обычно ускользающие из поля зрения, переживания.

Пытаясь уловить и описать атмосферность места – ощущения и эмоции, которые остро чувствуются в момент присутствия, но обычно не проговариваются и достаточно быстро вытесняются на периферию сознания, мы в полной мере прочувствовали, насколько важно для городского исследователя умение «остановить момент» – зафиксировать и облечь в слова быстро меняющиеся городские реалии и связанные с ними ощущения.

В соответствии с правилами ритманализа (Амин и Трифт 2002; Lefebvre [1992] 2007) мы пытались максимально разнообразить режим нашего пребывания в исследуемом пространстве и ездили туда в разное время суток, в разные дни

недели и даже в разные сезоны. Уже после завершения основных полевых работ мы неоднократно возвращались на Парнас, а иногда и Парнас возвращался к нам, случайно всплывая в разговорах с друзьями, интервью в других проектах, городских новостях. На сегодняшний день наша исследовательская коллекция состоит из 14 интервью, 10 транскриптов совместных прогулок, 12 ментальных карт, фрагментарных дневниковых записей и сотен фотографий. Эти данные и станут основой наших дальнейших размышлений.

ЧТО ТАКОЕ ПАРНАС?

Итак, в фокусе данного эссе – новый жилой комплекс Санкт-Петербурга, расположенный в месте с поэтическим названием Парнас. Именно так, следуя распроданной городской топонимике, предпочитают называть его местные жители. Предложенное девелоперами название – «Северная долина» – гораздо менее популярно. В тексте мы будем использовать официальное и неофициальное название комплекса. Его строительство началось еще в 2009 году², и сегодня здесь проживает около 30 тысяч человек. Ожидается, что со временем число жителей Парнаса достигнет 80 тысяч.

Парнас представляется нам типичным примером современного жилого комплекса, характерные черты которого – отдаленность от центра, автономность и, в этой связи, определенная замкнутость. Хотя формально Парнас и находится в черте города, он отделен от него большой промышленной зоной. Пересечь ее можно по единственной наземной транспортной артерии – кольцевой автодороге (КАД), съезды с которой в часы пик становятся местом бесконечных пробок. Пешком эту промзону преодолеть невозможно. Большим плюсом места оказывается станция метро, расположенная на окраине комплекса, что выгодно отличает его от других мест массовой застройки и поднимает цену недвижимости.

Несмотря на то, что первые очереди «Северной долины» были введены в эксплуатацию еще в 2011 году, многих объектов социальной инфраструктуры до сих пор нет или их недостаточно. Так, школа была открыта лишь в 2015 году. На территории комплекса работает лишь один государственный детский сад, нет государственной поликлиники и так далее. При этом из-за гигантских масштабов – а Парнас уже сейчас можно считать малым городом – инфраструктурная дефицитность никак не может быть компенсирована активностью мелкого предпринимательства.

Это место одновременно производит впечатление освоенности, определенной обжитости и, в то же время, незавершенности. Жилая территория несет на себе отпечатки промышленной зоны, незавершенной стройки, пустырей и «дикой» природы, которые плотным кольцом окружают Парнас. При этом девелоперы, согласно рекламе, продают именно «природу» – видовые квартиры и близость Шуваловского парка, достичь которого, впрочем, можно только по разбитой неасфальтированной дороге и проходя мимо развалин бывшего рабочего поселка, ныне имеющего весьма непрезентабельный вид.

² См. официальный сайт девелопера «Северная долина» (<http://sevdo.ru>).

Рис. 1. Развалины бывшего рабочего поселка по дороге к Шуваловскому парку (фотография авторов).

ТЕСНОТА И ПУСТОТА

Парнас создается парадоксальным сочетанием пустоты и тесноты. С одной стороны, эта пустота внешняя, ведь Парнас окружают огромные незастроенные территории, или «поле, русское поле», как иронично отзываются о них местные жители. С другой стороны, это обманчивая внутренняя пустота. Огромные дворы Парнаса, открытые взгляду и создающие ощущение простора, в реальности поглощены машинами, припаркованными вокруг домов в несколько рядов.

Рис. 2. Парковка во дворе (фотография авторов).

Ощущения тесноты добавляет организация дворового пространства. Высокие и длинные, несоразмерные человеку дома формируют замкнутые пространства дворов. Открытые парковки, заборы детского сада и школы изымают из общественного пользования значительную часть столь необходимого жителям пространства. Его остатки сжимаются «мелкой нарезкой» бесчисленных дорожек и газонов, оформленных невысокими заборчиками, благодаря которым постоянно нарушается плавность ходьбы, спотыкается взгляд и тело. Несмотря на ограждение газонов, озеленение еще не набрало силу, поэтому камень домов, асфальт дорог и металл машин сегодня составляют ландшафт, цвет и ощущение пространства.

Рис. 3. Четыре забора на расстоянии 20 метров (фотография авторов).

Людям здесь фактически не остается места. Кажется, что даже детским площадкам тут тесно, поэтому борьба за пространство – часть повседневной жизни Парнаса. Мамочки против собачников, автомобилисты против пешеходов, паркующиеся против паркующихся – эти конфликты сегодня привычны для Парнаса, как и для большинства жилых районов. Оптимальным преодолением дефицита пространства для жителей оказывается выход за пределы жилого комплекса. Усилиями местных энтузиастов все более или менее пригодные пустые, заброшенные, недостроенные пространства, расположенные неподалеку, приспособляются под велосипедные дорожки, футбольные поля, дорожки для прогулок, детские горки – в зависимости от сезона. Груды строительного мусора, пыль, грязь или общая необустроенность не мешают местным жителям с удовольствием проводить свой досуг. Однако ресурс «территорий-трансформеров» существенно ограничен: «К двенадцати часам парк уже как поезд, туда эшелонами начинают двигаться мамы с колясками» (48 лет, собственница квартиры на Парнасе).

Рис. 4. Поездка на велосипеде по внешнему периметру жилого комплекса (фотография авторов).

Заполненные машинами дворы микрорайона не собирают пространство вокруг себя, не превращаются в значимые точки общественной жизни. Центром Парнаса оказывается станция метро, расположенная на окраине комплекса, а также дорога, соединяющая станцию с жилым массивом. Именно вдоль и поблизости от этой дороги расположены значимые инфраструктурные объекты. Здесь, «по пути», покупают продукты и хозяйственные товары, столь востребованные в новостройках. Здесь же расположено единственное (на время написания статьи) кафе – ирландский паб, проводятся различные районные мероприятия. Согласно локальной топонимике, путь от метро к дому именуется «Дорогой жизни», что, на наш взгляд, хорошо отражает статус и значимость именно этого пространства, несмотря на его транзитный характер, а может, и благодаря ему. Благодаря «Дороге жизни» общественный транспорт (метро) вклинивается в пространство микрорайона и стихийно создает на Парнасе столь необходимое ему общественное пространство.

Рис. 5. Пример дорожно-центрированной ментальной карты, нарисованной жительницей Парнаса.

ВЕТЕР СВЕЖИЙ И ВЕТЕР ПРОНИЗЫВАЮЩИЙ

Ветер здесь чувствуешь сразу, как только выходишь из метро. Это ощущение нельзя передать с детства знакомым «холодок бежит за ворот». Ветер на Парнасе налетает, треплет волосы и одежду, пронизывает насквозь, заставляя непроизвольно ускорять шаг. Конечно, все это легко списать на жалобы московского жителя, не привычного к питерскому морскому климату с его ветрами, дождями и туманами, но даже для местных такой сильный и постоянный ветер не является чем-то само собой разумеющимся.

На Парнасе кажется, что ветер вездесущ. Он в воздухе и рассказах местных жителей. Редкий разговор обходится без его упоминания: «На Парнасе ... ну, как Вам сказать? Там очень сильно дует», – или жалоб на «ветреность» места: «Очень большие ветра. Есть участки, где ... ты просто проходишь и знаешь, что здесь сдует» (житель Парнаса, 30 лет, живет на Парнасе 1,5 года).

Ветер создает атмосферу Парнаса, что, впрочем, неудивительно, ведь он постоянно требует внимания. Ветер заставляет местных жителей фокусироваться на своих ощущениях. Его можно увидеть и услышать. Его чувствуешь кожей, под него подстраиваешь планы, о нем вспоминаешь, даже если давно уже переехал. У ветра есть звук. Он практически незаметен в обычное время. Точнее сказать, к нему быстро привыкаешь. Но внезапно он обнаруживает себя на диктофонной записи обычного уличного разговора, мешая расслышать слова. В непогоду звук ветра и

вовсе пугает особо впечатлительных: «На верхних этажах прямо воеет» (бывшая жительница Парнаса, 22 года). Ветер можно увидеть. Для местных он различим не в привычных склоненных деревьях – их здесь практически нет, – но в гоняемых им облаках строительной пыли, летающих обертках и прочих следах придорожного рынка, согнутых фигурах и развевающейся одежде пешеходов. Ветер весьма ощутим и воспринимается местными жителями как сила, которую необходимо принимать во внимание, живя на Парнасе. Он меняет привычки:

Я перестала что-то делать с прической, живя на Парнасе. Я не завиваюсь и не укладываюсь, потому что это бесполезно абсолютно. Я выхожу на улицу, завязала кулек и побежала дальше (жительница Парнаса, 25 лет, живет в районе 2,5 года).

И корректирует планы:

Очень ветрено, и постоянно идешь? и тебя может просто сдуть.... Бывает, что я в этот день не выхожу на улицу, прям вообще, особенно когда были вот эти вот штормовые предупреждения, ветер прям очень сильный (жительница Парнаса, 23 года, живет на Парнасе 9 месяцев).

При всей его ощутимости ветер нельзя отнести к темам, интересующим городских исследователей, ведь, прежде всего, он ассоциируется с чем-то природным, а значит, попадающим в компетенции географов, метеорологов, городских планировщиков, то есть всех тех, кто исследует природу или пытается ее «цивилизовать». Приятным исключением являются редкие работы городских социологов, посвященные социальным последствиям сильных ветров (Kusenbach and Christmann 2013). Говоря о ветре в городе, мы не хотели бы идти проторенным путем и вписывать его в сложившиеся дисциплинарные деления или системы классификаций. Нам гораздо интереснее, какими смыслами наделяют его горожане, тем более что для них ветер не является природной силой, противопоставляемой техногенному городу и способной решить его проблемы. По мнению жителей Парнаса, ветер может камуфлировать или обострять городские несовершенства, но не преодолевать их:

Есть единственный минус, который, собственно, на всем севере города. Это, по-моему, могильник в районе Каменки, потому что когда ветер оттуда, ну, это что в Озерках, что где угодно во всем севере города запах чувствуется (владелица квартиры на Парнасе, 48 лет).

Разговор о ветре, помимо разговора о локальности, подразумевает и более глобальные масштабы. Говоря о непростых отношениях города и ветра в целом, можно заметить, что ветер в городе оказывается не абстрактной стихией, но «сцепкой» телесных опытов, городской материальности, мира городских фантазий, страхов и многого другого. Достаточно вспомнить, что ветер – неотъемлемая часть городской прагматики. В городе о нем напоминают остановки и защитные тенты, относительно недавно появившиеся «ветровки» или постепенно уходящие

в прошлое флюгеры. Одновременно ветер можно назвать одним из любимых сюжетов городского воображаемого. Он легко обнаруживается в страхах, городских искушениях и надеждах. На память приходят и апокалиптические видения городского будущего из серии «сдуло-смыло», в которых природа берет реванш, и соблазнительные женские изображения с летящими газовыми шарфиками, кокетливо придерживаемыми шляпками или и вовсе – фривольно приподнятыми ветром юбками, и, конечно, ветер перемен, обещающий лучшее будущее³. Ветер может выступать и в роли «цивилизующей» силы, подтолкнувшей сельскую девочку Элли к открытию прелестей и ужасов Изумрудного города.

Жители Парнаса далеки от романтических представлений о ветре. Для них сильный ветер – это вынужденная реальность, таящая в себе больше опасностей, чем возможностей. Рассуждая о будущем района, они надеются, что со временем ветер удастся «приручить»: «поймать» в подрастающие деревья, приглушить заборами или защититься от него новыми домами. Пока же ветер ассоциируется с пустотой и незаполненностью пространства: «Ну, так, знаешь, где-то метра на два тебя просто [ветром] может чуть-чуть вот так откинуть, потому что пустошь сильная» (жительница Парнаса, 23 года, живет на Парнасе 9 месяцев). А пока ветер «выдувает» людей из ничем не защищенного пространства, мешая собираться и уменьшая продолжительность встреч и прогулок. Конечно, жизнь на Парнасе не прекращается с дуновением ветра, скорее она переформатируется благодаря избрательности местных жителей, превращающих все более или менее подходящие поверхности – выступы домов, горки на детских площадках, заборы, – в защиту от ветра. Ветер вынуждает искать укромные уголки для встреч и находить их возле домов. Так появляются «карманы» – небольшие кусочки у дома, где его порывы не столь заметны. Однако ветер пока не может сместить границу общественных пространств внутрь домов – местами встреч новых соседей по-прежнему остаются дворы, а не подъезды или небольшие магазинчики, постепенно открывающиеся на первых этажах.

Ветер, наряду с другими обстоятельствами, превращает Парнас в транзитное пространство, не давая пешеходам возможности задержаться. И в этом смысле он становится символом района, своей неуютностью, неудобством, несоразмерностью с человеком, вынуждающими людей прокладывать свои жизненные пути в других местах, там где есть возможность и желание задержаться. Можно, конечно, сетовать, что среди современных горожан не так много городских первопроходцев, готовых к временным или постоянным лишениям ради открытия новых территорий. А можно задуматься об ответственности планировщиков и архитекторов, городских властей, которые позволяют ветрам «выдувать» жизнь из новых районов, тем самым делая их потенциально уязвимыми пространствами, с временными жителями, не заинтересованными в развитии или просто поддержании своего места жизни.

³ Применительно к Москве «ветер перемен» сегодня звучит достаточно иронично. В известной песне «Wind of Change», исполняемой группой Scorpions в начале 1990-х годов, «ветер перемен» можно услышать, двигаясь вдоль Москвы-реки к Парку Горького. В 2010-х годах Парк Горького становится не просто направлением движения, но олицетворением перемен в городской жизни.

В поисках причины «повышенной ветрености» Парнаса мы сталкивались с версией об ошибках в планировании и неправильно рассчитанной ветровой тенью. В это охотно веришь, когда в 100 метрах от высотных новостроек ты переходишь дорогу и попадаешь в остатки старого малоэтажного Парнаса. Ветер здесь моментально стихает, как будто кто-то выключает невидимый рубильник. Это место гораздо приятнее для прогулок, несмотря на пустеющие и частично разрушенные дома. Однако и оно оказывается «унесенным ветром», в этом случае ветром перемен – новые жители Парнаса не испытывают никакого желания знать о прежней жизни своего района. Выступая против пустоты физического пространства, они поддерживают символическую пустоту и предпочитают начинать историю своего района с нуля, забывая обо всех угрозах и опасностях пустоты, упомянутых ими ранее.

Рис. 6. Вид на «Северную долину» со стороны «старого Парнаса». На переднем плане представлен расселенный барак. Несмотря на территориальную близость, многие жители «нового Парнаса» не знают о существовании этого места.

«Я ШАГАЮ С РАБОТЫ УСТАЛЫЙ...»

Атмосферность места, на наш взгляд, важная, возможно, даже ключевая характеристика места, позволяющая собрать воедино и проинтерпретировать все настроения и эмоции, которые оно вызывает. Мы полагаем, что атмосферность можно «увидеть» и «услышать», разделяя с обитателями исследуемых пространств их оптику и перспективу, прислушиваясь к разного рода нарративам – интервью, форумам, случайно подслушанным разговорам.

Для нас первые впечатления о Парнасе связаны с ощущением общей, даже какой-то тотальной, усталости. Оно начало складываться еще на подъезде к микрорайону, в метро. Бывшая конечная станция «Проспект Просвещения» фактически смыла основную массу пассажиров. В вагонах остались лишь обитатели Парнаса, и появилась, наконец, возможность сесть всем желающим. Несмотря на

очевидный час пик – было часов семь вечера буднего дня – вагоны метро производили впечатление разреженного пространства, где отдельные пассажиры разбрелись подальше друг от друга, с тем чтобы вздохнуть посвободнее, немного расслабиться от тесноты и жесткого самоконтроля, поймать одну–две минуты отдыха перед последним рывком к конечному пункту путешествия дня – дому.

Усталость, замеченная нами еще на подступах к исследуемому пространству, легко прочитывалась в телесных идиомах. Она была видна в интенсивности и скорости передвижений, в минимизации и, пожалуй, даже избегании любых коммуникаций и взаимодействий, а также в своего рода эмоциональной выхолощенности, когда эмоции почти не проявляются – просто нет сил на их проявления. Об усталости жители Парнаса говорили и в интервью. Сам Парнас в этом случае интерпретируется как место, куда приезжают лишь отдохнуть, точнее, сделать перерыв в быстром течении жизни: «Дома, по сути, только спим. Иногда готовим. Все!» (жительница Парнаса, 26 лет, на Парнасе 2,5 года). Любые активности, да, собственно, и сама «жизнь» протекает где-то вовне. Значение дома редуцируется до места «временной остановки», передышки, где дом – всего лишь «капсула для уставшего тела», не более того. В этой связи специфика новых районов массовой застройки связана, помимо прочего, с большой удаленностью этих пространств, что порождает еще большую разорванность и фрагментированность общего пространства жизни. При этом много сил и ресурсов затрачивается на преодоление разрывов, связывание пространства воедино. Усталость в этом случае становится общим ощущением жизни на Парнасе, постепенно втягивающим в свою орбиту и другие пространства. В частности, наши собеседники время от времени жаловались нам на «усталость от жизни на Севере».

Безусловно, усталость – это неотъемлемая часть жизни современного большого города и, шире, современного общества в целом (Cray 2013). Усталые тела встречаются повсеместно: и в туристическом центре, и деловом *сити*, и на зеленых лужайках парка и пр. Однако если усталость в других городских местах затеняется и размывается множественностью форм городской жизни, то в спальнях районах это состояние становится более видимым. Во-первых, у спальных районов в их нынешнем состоянии гораздо меньше функций, чем у центральных городских пространств, и, следовательно, у их обитателей гораздо меньше телесных сценариев и обязательств, в том числе и обязательства скрывать усталость. К тому же телесная нормативность, обнаруживаемая во дворах как квазиприватных пространствах, близка к «естественной», домашней нормативности, допускающей самый широкий спектр состояний. Близость к дому позволяет телу уже не быть экспонатом, объектом множественных взглядов, оно постепенно расслабляется и переходит на домашнюю телесную нормативность, когда различные состояния – болезнь, усталость, «неприукрашенность» и прочее допустимы и «нормальны». Во-вторых, спальные районы предполагают не только быстрые ритмы, столь характерные для современного города, но и замедленность, расслабленность перемещений, которая создается, помимо прочего, усталым телом. Тем самым современные спальные районы становятся легитимным «местом усталости» в городе, при этом усталость понимается как одно из «естественных» проявлений жизни.

Усталость на Парнасе приобретает свою специфику. Уставшие жители, спешащие домой после трудового дня, здесь сталкиваются с необходимостью продолжать «борьбу за жизнь» – преодолевать большие пространства, удаленные от остановок общественного транспорта, лавировать между плотно стоящими машинами и множественными заборчиками, держать в руках сумки с продуктами, закупаемыми возле метро или вне района. Неизбежность дополнительных действий и связанных с ними временных затрат заметно усиливают общее ощущение усталости.

Следует признать, что усталость – это отнюдь не тотальное и повсеместное переживание, создающее пространство «Северной долины». Так, трудно говорить об усталости в утренние часы, когда жители Парнаса бодро спешат на работу. Кроме того, с усталостью борются различными средствами, и у этой борьбы тоже есть своя ритмика, усиливающаяся в выходные дни, когда у людей появляется больше времени «на себя».

В современном обществе сопротивление усталости множественно. Оно предполагает и борьбу за собственное тело, и эмоциональную работу, призванную поддержать тело и «оздоровить дух». Такое сопротивление можно заметить и на Парнасе. Многочисленные салоны красоты, парикмахерские и спа-салоны, расположенные на первых этажах домов, прежде всего представляют собой индустрию красоты, неотъемлемой частью которой является забота о теле, в том числе и уставшем. Салоны позиционируют себя как места, где производится хорошее настроение. Ведь не зря самые популярные советы женщинам по созданию хорошего настроения посвящены шопингу и посещению салонов. Свой вклад в борьбу с усталостью вносит физическая активность. Пространство Парнаса предлагает небольшой спектр активного проведения досуга, в частности, в своих интервью жители Парнаса жаловались на недостаток фитнес-центров. Вместе с тем пространство района спонтанно становится площадкой для роллеров, велосипедистов, любителей пробежек. Компенсируя загруженность дворов, внешний периметр превращается в относительно свободную и бесплатную скоростную дорожку для любителей физической активности.

Любители покататься достаточно заметны на форумах «Северной долины». Довольно часто можно встретить сообщения с призывами покататься вместе, обсуждения о месте и времени встреч и пр. Физическая активность вписана в сценарий правильного и здорового образа жизни, нацелена на оздоровление уставшего тела и на семейную интеграцию – что, по сути, является ценностными ориентирами нового среднего класса – основных покупателей квартир в новых жилищных комплексах. Кроме того, только их и может предложить пока еще скудная инфраструктура досуга новостроек.

Эмоциональное наполнение места в этот момент совершенно иное. Семейный досуг, выплескивающийся в общественное пространство, переопределяет место, превращает его в пространство праздности и расслабленности. Здесь уже обитают люди, с их переживаниями и чувствами – достаточно вспомнить многочисленные признания в любви на асфальте.

Ситуативные солидарности формируют феномен соседства, делают пространство в меру освоенным, обжитым и безопасным. Такое соседство основано не

столько на пространственной близости, но складывается в совместных действиях. При этом «рекрутинг в соседи» не обязательно связан с солидарностью против кого- или чего-либо, которая возникает в борьбе с недобросовестными застройщиками, равнодушным муниципалитетом или коррумпированной управляющей компанией. При близком рассмотрении соседство нередко оказывается легким, приятным, основанным на общности интересов и совместном досуге:

Ребята списываются, идут кататься на великах, большими компаниями.... Они каждые выходные на целый день уезжают кататься, и каждый раз в час ночи, мы видим ... вереница велосипедистов с фонариками едет. Сидишь такой и – «О! Светлячки поехали». Дружат! (жительница Парнаса, 25 лет, на Парнасе около 4 лет).

Соседство может быть воображаемым, основанным на идеализируемом образе буквально «близкого другого». Этот образ реконструируется на основе «следов» – определенных отпечатков действий соседей, притом что сами соседи остаются невидимыми. Воображение достраивает образ на основе этих следов. Так, один из наших информантов, размышляя о том, кто живет на Парнасе, заметил: «Романтичные люди тут живут. Предложения делают на асфальте» (житель Парнаса, 25 лет). При этом невидимость является важной частью образа другого, ведь современные горожане не всегда готовы к сокращению дистанции, теплоте и близости в реальной жизни. Гораздо проще хорошо относиться к фантому.

Рис. 7. Надпись на одном из тротуаров на Парнасе (фотография авторов).

Публичные признания в любви на асфальте – сегодня достаточно популярная практика, которая, пожалуй, более распространена в спальнях районах, где само место позволяет и работает на то, чтобы надпись была увидена. Парнас в этом случае не исключение. Надписи на асфальте, сделанные большими буквами с тем чтобы их можно было разглядеть с n-го этажа, приветствуют своих адресатов. Звучащие на множество голосов послания заметны прохожим, вызывая у них гамму эмоций – от радости до иронии, тем самым создавая разнообразный и насыщенный эмоциональный ландшафт места.

ВООБРАЖАЯ ПАРНАС, ИЛИ РОМАНТИКА НОЧИ...

Современное разнообразие мира требует множества идентичностей не только от человека, но и от места. Свой вклад в стихийно складывающееся разнообразие вносит официальный дискурс. Официальная версия, проявляющаяся прежде всего в топонимике, лишает место глубины, исключая из рассмотрения прошлое Парнаса. Новые названия улиц, отдающие дань «лирикам Севера» – Федору Абрамову и Николаю Рубцову – делают район частью «большой истории», универсальной и общенациональной. Имена литераторов, не знакомые многим жителям, оказываются затейливым образом соотношены с «северным» названием комплекса.

Жители Парнаса обычно более изобретательны в названиях. У них не существует единого образа Парнаса, так же как и единого отношения к своему месту жительства. Множественность смыслов легко считывается благодаря хэштегам к фотографиям из «Инстаграма», названиям тематических групп на интернет-форумах или в социальных сетях. Ирония, прочитываемая в тэгах #однапятаявологды, #1568квартир, #страначудесПарнасия, очевидно, помогает не только преодолеть возможные проблемы, но и позитивно переопределить пространство.

Воображение Парнаса может быть не только ироничным, но и романтичным. Вечером, когда затихают звуки стройки и потока машин, когда зажигаются уличные фонари и свет в окнах, когда машины КАДа превращаются в движущиеся огоньки, Парнас чудесным образом обретает новую идентичность. Темнота скрывает и маскирует проблемы и недостатки, делает невидимыми тесноту и загруженность дворов машинами, устраняет из поля зрения строительные площадки и пустыри. Избавленному от суеты и несовершенств Парнасу в это время легко соответствовать ожиданиям своих жителей, мечтающих о комфортной городской жизни за умеренную цену.

Пока жители Парнаса абсолютно уверены в безопасности своего района в вечернее и ночное время: «Хорошо очень, не страшно. Много фонарей и светло.... Ходят вечером много людей, и с детьми. Постоянно движуха» (житель Парнаса, 30 лет, на Парнасе около полугода). Возможно, ощущение безопасности возникает и в связи с определенной социальной гомогенностью района, которая формируется во многом месторасположением и ценовой политикой застройщика. Молодость, семейный статус, классовые траектории и хабитус обитателей Парнаса становятся своего рода гарантией ночного спокойствия, когда нет поводов заподозрить в своих соседях «опасных других».

Вечерний и ночной Парнас – излюбленная тема местных фотографов. Сотни снимков ночного Парнаса сопровождаются тегами и комментариями «наш Нью-Йорк». Вечер превращает Парнас в город небоскребов и ярких огней, в город, наполненный жизнью и движением. В город романтики. Немного таинственный, что-то скрывающий и маскирующий. В город, который еще стремится быть похожим на другие, но постепенно, усилиями своих жителей, обретает собственное лицо и собственную историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амин, Эш и Найгель Трифт. 2002. «Внятность повседневного города». *Логос* 3(34):1–25.
- Бредникова, Ольга и Оксана Запорожец. 2014. «Микроурбанизм. Ловушка для города». С. 3–37 в *Микроурбанизм. Город в деталях*, под ред. Ольги Бредниковой и Оксаны Запорожец. М.: Новое литературное обозрение.
- Фень, Екатерина. 2012. «Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города». Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
- Böhme, Gernot. 1993. "Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics." *Thesis Eleven* 36:113–126.
- Crary, Jonathan. 2013. *24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep*. London: Verso.
- Griffero, Tonino. 2014. *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. Farnham, UK: Ashgate.
- Kusenbach, Margarethe, and Gabriela Christmann. 2013. "Understanding Hurricane Vulnerability: Lessons from Mobile Home Communities." Pp. 61–84 in *Disaster Resiliency: Interdisciplinary Perspectives*, edited by Naim Kapucu, Christopher V. Hawkins, and Fernando I. Rivera. New York: Routledge.
- Lefebvre, Henri. [1992] 2007. *Rhythmanalysis: Space, Time, and Everyday Life*. London: Continuum.
- Pallasmaa, Juhani. 2014. "Space, Place and Atmosphere: Emotion and Peripheral Perception in Architectural Experience." *Lebenswelt: Aesthetics and Philosophy of Experience* 4:230–245.
- Tellenbach, Hubertus. 1968. *Geschmack und Atmosphäre: Medien menschlichen Elementarkontaktes*. Salzburg, Austria: Otto Müller Verlag.

WIND, FATIGUE, AND ROMANCE OF THE NIGHT (ON PECULIARITIES OF NEW RESIDENTIAL AREAS)

Olga Brednikova, Oksana Zaporozhets

Olga Brednikova is Leading Research Fellow at the Centre for Independent Social Research in Saint Petersburg. Address for correspondence: Ligovskii prospekt 87, Office 301, Saint Petersburg, 191040, Russia. bred8@yandex.ru.

Oksana Zaporozhets is Leading Research Fellow at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities and Associate Professor in the Sociology Department of the National Research University–Higher School of Economics (Moscow). Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 20, Moscow, 101000, Russia. ozaporozhets@hse.ru.

“Atmosphere” is a key term and a key perspective we used to explore the peculiarities of a new residential district in Saint Petersburg. Atmosphere is interpreted as an accentuation of the particular experiences and emotions connected to a specific place. We discovered that the atmosphere of the residential district that we studied is created by the efforts of the locals to overcome shortages of infrastructure, remoteness from the city center, numerous inconveniences, and imperfections of the place. Therefore, basic elements of the atmosphere are wind and fatigue. Numerous imperfections and challenges

of the district seem to be overcome during the night time, when the darkness makes them invisible. This overcoming is an illusion, but it helps the locals to produce and maintain the positive attitude toward the place.

Keywords: Atmosphere; Microubanism; City; New Residential Districts; Wind; Fatigue; Night

REFERENCES

- Amin, Ash, and Nigel Thrift. 2002. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press.
- Böhme, Gernot. 1993. "Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics." *Thesis Eleven* 36:113–126.
- Brednikova, Olga, and Oksana Zaporozhets. 2014. "Mikroubanizm: Lovushka dlia goroda." Pp. 3–37 in *Mikroubanizm: Gorod v detaliakh*, edited by Olga Brednikova and Oksana Zaporozhets. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Crary, Jonathan. 2013. *24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep*. London: Verso.
- Fen', Ekaterina. 2012. "Osnovnye kategorii fenomenologicheskoi filosofii prostranstva v sovremennykh issledovaniiah goroda." PhD dissertation, National Research University–Higher School of Economics.
- Griffero, Tonino. 2014. *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. Farnham, UK: Ashgate.
- Kusenbach, Margarethe, and Gabriela Christmann. 2013. "Understanding Hurricane Vulnerability: Lessons from Mobile Home Communities." Pp. 61–84 in *Disaster Resiliency: Interdisciplinary Perspectives*, edited by Naim Kapucu, Christopher V. Hawkins, and Fernando I. Rivera. New York: Routledge.
- Lefebvre, Henri. [1992] 2007. *Rhythmanalysis: Space, Time, and Everyday Life*. London: Continuum.
- Pallasmaa, Juhani. 2014. "Space, Place and Atmosphere: Emotion and Peripheral Perception in Architectural Experience." *Lebenswelt: Aesthetics and Philosophy of Experience* 4:230–245.
- Tellenbach, Hubertus. 1968. *Geschmack und Atmosphäre: Medien menschlichen Elementarkontaktes*. Salzburg, Austria: Otto Müller Verlag.